

Предисловие

Читатель, несомненно, нуждается в пояснении – что за книгу он держит в руках. Это не учебник, не монография, было бы неправильным назвать ее и сборником публицистики. Можно было бы определить эту книгу как сборник рецензий, но такое определение тоже будет не совсем правдой – рецензии, как правило, пишутся на впервые вышедшие книги. Большинство обсуждаемых в этом издании работ были написаны и опубликованы еще до моего рождения (хотя переведены в России, чаще всего, в наши дни).

Правильней всего сказать, что перед вами сборник эссе о книгах, посвященных одной теме – осмыслению всемирной истории сквозь призму цивилизационного подхода, сохранившего свою популярность в научных и интеллектуальных кругах и по сей день. Систематически писать обзоры книг я начал с 2013 года, когда создал посвященный книжным обзорам сайт «100 книг» (100knig.com).

Как оказалось, мои книжные обзоры имеют, с точки зрения многих читателей, некоторые преимущества перед тем, что делают прочие пишущие о книгах. А именно: а) я понимаю, что написано в книге; б) я могу это грамотно и понятно пересказать, объяснив, стоит или нет знакомиться с обозреваемым трудом; в) я имею собственное мнение о том, что я прочитал, и возможность что-то добавить к сказанному автором. Как следствие, оказалось, что написанные

мною обзоры имеют не только реферативное, но и самостоятельное значение.

Часть этих обзоров касалась книг, посвященных в той или иной степени цивилизационному подходу и пригодных для углубления теоретического понимания всемирной истории. Они, после незначительной редактуры, и объединены в книгу «Игра в цивилизацию».

Название представляющей читателю книге дано в честь знаменитой игры, придуманной в 1991 году Сидом Мейером, с которой рука об руку прошел за уже без малого тридцать лет едва ли не каждый игрок моего поколения. От своей первой, «глобалистской» версии 1991 года, в которой цивилизации отличались друг от друга только цветом на карте, игра к сегодняшнему дню дошла до шестой версии, в которой уникальные отличия той или иной выбранной культуры в значительной степени предопределяют стратегию. Так, у русских есть уникальный отряд – казаки, уникальная постройка – лавра, уникальная способность получать продукцию и религию с клеток тундры. Как видим, описание довольно точное.

Особенностью включенных в эту книгу текстов была спонтанность их возникновения. Причем, разумеется, меньше всего поводов у меня было писать о том, что я лучше всего с младых лет знаю. Поэтому читателю могло бы броситься в глаза отсутствие в книге очерков, посвященных таким звездам цивилизационного подхода, как Н. Я. Данилевский, Арнольд Тойнби, Фернан Бродель, Сэмюэль Хантингтон. Могло бы. Но не бросится. Специально для таких читателей, нуждающихся в базовом общем курсе, я включил в качестве введения свою лекцию об истории цивилизационного подхода, где все пробелы заполнены. Введение и заключение к книге можно использовать едва ли не в качестве учебного пособия. Если Бог благословит когда-нибудь в будущем переиздания этой книги, то, возможно, некоторые из «недостающих» очерков будут к тому времени написаны.

Предисловие

Остальные тексты, включенные в эту книгу, в одном случае ближе к краткому осмысляющему реферату, другие тянут на историософское эссе, иногда преобладает более или менее саркастичная критика. В некоторых случаях, когда речь идет о Льве Гумилеве или Вадиме Цымбурском, автор не может удержаться от эмоционального выражения личного отношения к тому, что говорили и писали его герои. Хотя все очерки, кроме реплики на писания шарлатана Харари, проникнуты безусловным уважением и любовью к тем, о ком они написаны.

Большинство текстов были опубликованы до сих пор только на сайте «100 книг». Но есть и исключения. Интеллектуальный некролог Иммануилу Валлерстайну написан для сайта телеканала «Царьград», обозревателем которого не первый год работает автор, рецензия на опус «Sapiens» впервые появилась в газете «Культура», в очерк о Цымбурском включен фрагмент моей статьи об этом мыслителе, вышедшей в альманахе «Тетради по консерватизму», очерки об Освальде Шпенглере и Джареде Даймонде стали плодом сотрудничества со знаменитым в былые дни сайтом «Спутник и погром».

Многое из сказанного в этих текстах может показаться некоторым читателям недостаточно политкорректным. По счастью для себя, автор этих строк составил себе репутацию чрезвычайно неполиткорректного человека достаточно давно, с этой репутацией выжил и, мало того, сумел отчасти сделать менее политкорректным мир вокруг себя. Так что сегодня это гораздо более «социально приемлемая» книга, чем она могла бы считаться десятилетие назад.

Завершая это предисловие, автор хотел бы поблагодарить всех читателей, которые словом и рулем поддерживали его книжные обзоры все эти годы, и хотел бы выразить надежду, что результат их не разочарует.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: почему «цивилизация» стала «цивилизациями»

Все мы более или менее понимаем, что значит быть цивилизованным человеком. Не ковырять на людях в носу палкой-копалкой и контролировать свое тело и поведение. Стараться мирно разрешать конфликты или хотя бы устраивать из них ритуал наподобие дуэлей. Жить не в пещерах и ходить в специально сшитой одежде, даже если таковой не много. Владеть чтением, письмом и счетом. Не поступать как варвар – то есть не разрушать культурные ценности.

Все эти составляющие включались во французские слова, бытовавшие в Средневековье и Новое время, которые восходили к латинскому слову *civitas* – *городская община*. С XIII века употреблялось слово *civilite* – вежливость, с XVI века – глагол и причастие «цивилизовать» и «цивилизованный», обычно в качестве антонима слову «варварский».

Наконец в XVIII веке, в эпоху Просвещения, появляется абстрагированное понятие – *цивилизация*. По всей видимости, оно употреблялось часто в парижских салонах и переписке, поскольку первый употребивший его печатно экономист граф Мирабо-старший, пользуется им как общеизвестным. В 1756 году, в своем знаменитом трактате «Друг людей», он говорит:

«Если бы я спросил у большинства, в чем состоит цивилизация, то ответили бы: цивилизация

есть смягчение нравов, учтивость, вежливость и знания, распространяемые для того, чтобы соблюдать правила приличий, и чтобы эти правила играли роль законов общежития...». (Цит. по: Велижев 2019: 36).

В течение нескольких десятилетий слово завоевало ученый мир, употребляясь и во Франции, и в Англии, и в России, где ему какое-то время составляли конкуренцию слова с русскими корнями – «людскость» и «гражданственность». Однако почти сразу в Европе начали писаться трактаты о «цивилизации в России», о том, что Россия есть «цивилизованная империя», и неологизм в итоге у нас привился.

Первые десятилетия понятие «цивилизация» употреблялось лишь в единственном числе, как обозначение универсальной формы и степени человеческого общежития, противостоящей более низким формам – дикости, варварству и т. д. Французский историк Франсуа Гизо, сделавший чрезвычайно много для популяризации этого понятия, определял цивилизацию так:

«Сущность цивилизации заключается в двух фактах: в развитии строя общественного и в развитии строя интеллектуального; в улучшении внешнего, общего, положения и в улучшении внутренней, личной природы человека» (Гизо 2006: 20).

Смысл истории, по Гизо, состоял в том, чтобы все народы становились более цивилизованными в этих двух отношениях. Хотя успехи их были различными. Гизо полагал, что у одних народов Европы лучше развит общественный строй, а хуже интеллектуальная деятельность – как у англичан, у других – все прекрасно с умственной жизнью, но плохо с учреждениями, как у немцев, и только во Франции оба компонента гармонично соединены.

У англичан понятие «цивилизация» приобрело огромную популярность, но они постарались пере-

тянуть одеяло на себя. Цивилизация – это заводы, железные дороги, развитие химии, парламент и, наконец, гигиена. К примеру, – привычка мыть руки с мылом, в Британской Империи был даже такой термин, как «евангелие чистоты», которое миссионеры несут дикарям вместе со Словом Божиим. Или знаменитый «файв о'клок», привычка пить чай вместо вина – употребление сырой воды было в ту эпоху смертельно опасно, и алкоголь был единственным способом доставить воду в организм, минуя инфекции, но это вело к пьянству. И вот чай, сперва доставлявшийся из Китая через Россию с Кяхтинской ярмарки, а потом из колонизированной Индии, оказался идеальным решением, и британские поэты мечтали о времени, когда «любовь и чай победят вино и вражду».

Английский образ цивилизации был чрезвычайно популярен, а его своеобразной «библией» считалась книга **Томаса Генри Бокля** (1821–1862) «История цивилизации в Англии», ставшая знаменем либеральных позитивистов, в частности, в России. Василий Розанов, учившийся в 1870-х годах, признавался позднее, критикуя национальную самоотчужденность русского юношества: «Я до тошноты ненавидел “Минина и Пожарского” за то, что они не написали никакой великой книги вроде “Истории цивилизации в Англии”».

В Германии, напротив, понятие «цивилизация» так никогда и не полюбили. Оно казалось слишком поверхностным, типично французским. Ему противопоставляли глубокое и умное слово «культура». Цивилизация и культура соотносились немцами как внешнее и внутреннее. Скажем, Иммануил Кант говорил о том, что мы «слишком цивилизованы», а «подлинная моральность относится к культуре». У немецких романтиков цивилизация, как поверхностная вежливость, придворный лоск, все более четко противопоставляется *культуре*, которая выражает дух

народа и которая формируется в человеке образованием.

Так в европейской мысли накапливался материал для вывода, что цивилизация разными народами понимается и формируется по-разному. И французские, и немецкие авторы начали употреблять слово «цивилизация» во множественном числе, подчеркивая тем самым, что разные общества в разных точках пространства и времени имеют разное цивилизационное устроение. Но цельную теорию множественности цивилизаций, подорвавшую идею, что существует единая универсальная общечеловеческая цивилизация, которая тождественна Западной, выдвинул русский ученый, – ихтиолог, политолог и публицист **Николай Яковлевич Данилевский** (1822–1885).

В 1869 году, 150 лет назад, в журнале «Заря» начала выходить его книга «Россия и Европа», где он изложил свою теорию. Она произвела на современников эффект разорвавшейся бомбы. «Да ведь это будущая настольная книга всех русских надолго... Каждый день бегаю на почту и высчитываю все вероятности скорейшего получения “Зари” (и хоть бы по три-то главы печатала редакция вместо двух! Прочтешь две главы и думаешь: “целый месяц еще, а, пожалуй, и 40 дней”») – писал Н. Н. Страхову из Флоренции Ф. М. Достоевский (Цит. по: Балуев 1999: 75–76).

Данилевский анализировал причины недавней Крымской войны, превратившейся в цивилизационный конфликт России и Европы, язвительно критиковал русское низкопоклонство перед Западом: «Мы возвели Европу в сан нашей общей Марии Алексеевны, верховной решительницы достоинства наших поступков...» Главный заданный им вопрос звучал так: «Европейская цивилизация тождествена ли с общечеловеческою?» «Нет, – отвечал Данилевский, – европейская цивилизация лишь один из

многих культурно-исторических типов, которые развиваются, растут, дают плоды и умирают в ходе человеческой истории».

«Естественная система истории – утверждал Данилевский – должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания ее делений... Эти культурно-исторические типы, или *самобытные цивилизации*, расположенные в хронологическом порядке, суть: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-авилоно-финикийский, халдейский, или древне-семитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или аравийский, и 10) германо-романский, или европейский. К ним можно еще, пожалуй, причислить два американских типа: мексиканский и перуанский, погибшие насильственном смертью и не успевшие совершить своего развития. Только народы, составлявшие эти культурно-исторические типы, были положительными деятелями в истории человечества; каждый развивал самостоятельным путем начало, заключавшееся как в особенностях его духовной природы, так и в особенных внешних условиях жизни, в которые они были поставлены, и этим вносил свой вклад в общую сокровищницу...» (Данилевский 2011: 109–110).

Данилевский заложил самые основы цивилизационного подхода к изучению мировой истории. Он констатировал, что цивилизаций много. Что они отличаются друг от друга типом культуры. Что именно цивилизации являются основными деятелями истории. И составил список этих цивилизаций – к перечисленным выше он добавил славянский тип, который, по его мнению, еще только начинал раскрываться в истории. Этот список с не очень большими вариациями с тех пор остается базовым у множества самых разных авторов, разнотечения

незначительны — кто-то соединяет греческий и римский типы, кто-то убирает еврейский. Но в целом, если сравнить 13 цивилизаций Данилевского и 21 Тойнби, то мы обнаружим у англичанина в основном ненужные удвоения, вроде различия древне-китайской и современной дальневосточной цивилизации, или утрояния мезоамериканской культуры на цивилизации майя, мексиканскую и юкатанскую. За вычетом двух пробелов — Данилевский недооценил японскую и византийскую цивилизации, список, представленный в «России и Европе», до сих пор очень надежен.

Данилевский ввел в теорию цивилизаций и менее бесспорные положения, которые, однако, до сих пор лежат в основе большинства концепций цивилизационного подхода. Прежде всего, это *органическая метафора*. Утверждение, что цивилизации развиваются как однолетние растения — растут, плодоносят, а потом умирают.

Поскольку цивилизация — это как раз то, что отличает нас от биологической природы, то описание совокупности орудий, поведенческих практик и идей, как живого организма, во многом парадоксально. На самом деле Данилевский хотел через эту метафору организма подчеркнуть идею, что цивилизация — это *холистическая целостность*, имеющая свой жизненный ритм, а не просто набор предметов.

Однако, поскольку избавиться от страсти к прогнозированию и предсказанию будущего очень сложно, то основной акцент при изучении цивилизаций стал делаться не на факте их целостности, а на жизненном цикле и вычислении сроков предстоящего упадка. От Константина Леонтьева и Освальда Шпенглера до Арнольда Тойнби и Льва Гумилева, — все пытались так или иначе установить четкий ритм развития и упадка локальных исторических общностей.

Историческая эмпирика этой гипотезы скорее не подтверждает. Она строилась на том факте, что в европейско-средиземноморском ареале насчитывается множество оригинальных цивилизаций, закончивших свой путь – несколько ближневосточных и две античные. Они были разрушены группами варваров, которые создали поверх новые цивилизации – исламскую и европейскую. Еще одна – русская – подхватила знамя от Византии, не разрушая предшественницу, которую уничтожили как раз западная (захват Константинополя Крестоносцами в 1204 году) и мусульманская (завоевание Константинополя османами в 1453) варварские волны.

Однако такие драматические поколенческие столкновения наблюдаются только в нашем присредиземноморском пространстве. На Дальнем Востоке все иначе – ни одно варварское завоевательное вторжение, самое разрушительное, не привело к замене старой индийской или китайской цивилизации новой – напротив, континуитет сохраняется. И обе эти цивилизации живут гораздо дольше, чем наша-манили им вычислители сроков. Скажем, китайский случай показателен тем, что столетия назад о Китае каждый бы сказал как о глубоко упадочной цивилизации – сегодня это самая динамичная и влиятельная сила в мире. Да и в древности – египетская или месопотамская цивилизация прожили гораздо дольше, чем предусматривают четко фиксированные сроки.

На самом деле, Данилевский не занимался вычислением сроков, поскольку он не отрицал единства истории. Мыслитель полагал, что каждая цивилизация, созрев, делает решающий вклад в общечеловеческое развитие в одной или нескольких из четырех областей – религии, искусстве, экономике, политике. А дав плод, культурно-исторический тип может еще долго существовать, просто не принося ничего нового. И вот с этой концепцией разового плодоношения

поспорить пока трудно, она может быть и справедлива, и это нуждается в дополнительной проверке.

Европейскому признанию идей Данилевского очень повредила ожесточенная кампания, которую вел против него философ Владимир Соловьев. Он был страстным проповедником универсальной христианской теократии, русская идея, на его взгляд, должна была состоять в том, чтобы Российской Империя добровольно подчинилась римскому папе. Выдвинутая Данилевским концепция цивилизационного *суверенитета* как основного исторического закона, попросту исключавшая идею исторического единства России и Запада, была Соловьеву как нож в горле, и он предпринял поистине титанические усилия по ее дискредитации. Сначала он вел содержательную полемику, потом перешел к клевете.

Вычитав у главного последователя Данилевского, критика Николая Николаевича Страхова, что не одному Данилевскому приходила в голову идея существования культурно-исторических типов, вот и у немца Генриха Рюккера есть что-то похожее, Соловьев решил обвинить Данилевского в *плагиате* и разразился статьей: «Немецкий подлинник и русский список». В ней он фальсифицировал тексты немецкого историка и приписывал Рюккерту цитаты из Данилевского, чтобы Данилевского же обвинить в плагиате...

Мотивы своих действий Соловьев объяснял вполне откровенно: «Когда в каком-нибудь лесу засел неприятель, то вопрос не в том, хорош или дурен стоит лес, а в том, как бы его получше поджечь» (Цит. по: Балуев 1999: 106). Получив заведование философским отделом Энциклопедии Брокгауза и Ефрана, Соловьев и туда первым делом написал большую статью о Данилевском, где закрепил свою клевету в виде «справки».

Исчертывающее ложь Соловьева было доказана в 1950-е годы американским славистом Робертом

Макмастером (McMaster 1955), который специально провел сравнение работ Рюккера и Данилевского и обнаружил как ложь Соловьева, так и тот факт, что по своей логике эти две работы совершенно не похожи. Рюккер, будучи гегельянцем, как раз вел к тому, что все культурные типы в итоге увенчиваются единственным высшим типом – европейской цивилизацией.

В 1920-х годах выслушивать обвинения в плагиате пришла очередь уже немецкому автору – **Освальду Шпенглеру** (1880–1936). Знатоки русской культуры заподозрили, что идеи для своего «Заката Европы» он почерпал у Данилевского и Константина Леонтьева. Шпенглер всегда уверял, что о Данилевском и Леонтьеве, с которым его концепция тоже имела немало общего, никогда не слышал. При этом он очень интересовался русской культурой, немало о ней читал, так что оставил отнекивание на его совести.

Основное новшество, которое Шпенглер внес в цивилизационный подход сравнительно с Данилевским, это попытка четкого определения того смыслового ядра, которое отличает одну великую культуру от другой.

Это ядро – особый способ *восприятия пространства*, который Шпенглер называет *прасимволом*.

Этот способ восприятия пространства предопределяет стиль той или иной культуры, который она накладывает на все, что создает вокруг себя – от искусства и архитектуры, до... математики. Самым парадоксальным и отважным прорывом Шпенглера было утверждение, что даже в царстве объективной истины – науке, на самом деле тоже все определяется культурной оптикой. Кстати, Данилевский думал так же и считал, что научные достижения сильно зависят от культурно-исторического типа.

Прасимволом античной культуры Шпенглер считал идеальное скульптурное тело, выраждающее «аполлоновскую душу». Прасимволом магической

культуры, в которой он объединял Византию и Ислам, он видел пещеру – отсюда главенство образа купола. Прасимволом западной культуры – устремленность в бесконечность, характерную для «фавстовской души». Отсюда «арки стрельчатой рост» готических соборов.

Здесь, кстати, хорошо видна немецкая ограниченность Шпенглера – для соборов Германии, в частности, для достроенного только в XIX веке Кельнского собора, и в самом деле характерна эта вертикальная устремленность. А вот для соборов Франции, которые и были классическими готическими соборами, по большей части характерно равновесие вертикали и горизонтали, как для собора в Реймсе.

Прасимволом русской культуры Шпенглер считал бесконечную равнину. Здесь он ошибся совершенно, зная Россию лишь издалека по книжкам. Пространство коренной России – это не равнина, а холмы, и для русского пейзажа характерна вертикальная доминанта в виде устремленной ввысь шатровой колокольни. Шпенглер съязвил, что нет ничего более противоестественного, чем русский астроном, тогда, когда русские уже составили планы космических полетов, а сорок лет спустя первыми вышли в космос.

Но эти частные ошибки Шпенглера, связанные с его артистическим субъективизмом, не могут отменить того факта, что он совершенно верно нашупал вопрос об основе той матрицы, которая делает явления, составляющие единую великую культуру, сходными между собой.

Гораздо более спорным в наследии Шпенглера стал жесткий и полный натяжек циклизм при описании им судеб разных культур. Основой для него стала хронология истории античной культуры, на основании которой он пытался вычислить будущие фазы западной. Здесь Шпенглер использовал любимое немецкими романтиками противопоставление культуры и цивилизации. Культура – это ранняя,

творческая фаза. Цивилизация – поздняя, упадочная. На ранней фазе строят соборы и пишут фуги Баха, на поздней строят броненосцы и создают универсальные империи.

Между культурой и цивилизацией пролегает граница городской революции, когда над культурой начинает главенствовать космополитический мировой город, подобный древнему Риму, и высасывает из нее все творческие силы. Своя эпоха виделась Шпенглеру как аналог эпохи Цезаря – накануне строительства великой Западной империи. То есть упадок Запада, о котором он писал, – это упадок творческого духа, а не имперской мощи, которая, наоборот, как раз сейчас должна быть на пике.

При этом Шпенглер, как и Данилевский, верил в будущее русской культуры. Он считал, что тот, для кого не важен вопрос «русскости», не может считаться серьезным мыслителем. Шпенглер полагал, что в XX веке русская культура освободилась от западного псевдоморфоза и обретает собственное творческое лицо, выразителем которого является Достоевский – любимый его писатель.

Шпенглер в Европе после Первой мировой войны был одновременно сверхпопулярным и очень неудобным мыслителем – он был прусский милитарист, германский националист, исторический пессимист. С одной стороны, было очевидно, что за намеченным им подходом к интерпретации истории как совокупности взлетов и упадков локальных культур – будущее. С другой, принимать эту концепцию в диком и опасном, почти фашистском изложении Шпенглера (к тому же представителя проигравших в Первой мировой агрессоров-германцев), – не хотелось. Требовалось что-то более прилизанное и респектабельное.

Такую респектабельную теорию предложил **Арнольд Джозеф Тайнби** (1889–1975) – потомственный английский интеллектуал, хотя не аристократ,

выпускник Оксфорда, сотрудник британской разведки, довольно квалифицированный историк — автор работ о Риме и Византии. Его книга «Исследование истории» начала выходить в 1934 году, писалась и выходила до 1961 года, уместившись в 12 томах.

Тойнби начисто отбросил шпенглеровский национализм и милитаризм, отказался от раздвоения культуры и цивилизации. История для него — это развитие, взлет и упадок 21 цивилизации, и еще нескольких несостоявшихся, вроде дальне-западной — кельтской. Некоторые из этих цивилизаций тойнбианского списка очевидно лишние, но, в целом, охват довольно полный. Тойнби ввел все ту же циклическую схему — рост-надлом-распад, и выдвинул гипотезу, что каждая цивилизация стремится создать свое универсальное государство — империю и универсальную церковь.

В принципе, теорию Тойнби можно было бы счесть только политкорректным перепевом Данилевского и Шпенглера, если бы не одно «но». Его блестящая теория *Вызыва-и-Ответа*, с помощью которой он попытался объяснить рождение и развитие цивилизаций.

Цивилизация возникает тогда, когда то или иное общество сталкивается с внешним вызовом, чаще всего это вызов природной среды, но может быть и вызов со стороны других цивилизаций. Творческое меньшинство внутри этого общества вырабатывает свой ответ на этот вызов, и возникает цивилизационное устроение, которое развивается и живет, выливается в формы универсальных государств и церквей... Как видим — тут идея, прямо отражающая английское аристократическое мышление.

Однако в какой-то момент творческое меньшинство утрачивает свою энергию и лидерство, а потому теряет контроль, во-первых, над внутренним пролетариатом, низшими классами, внутри цивилизации, и над внешним пролетариатом — варварами, вовне, и

те уничтожают цивилизацию, которая, однако, может передать свое наследие во времени другим, как Рим передал Западу, а Византия – России.

Как мы видим, Тойнби, как и Шпенглер, строил идеальную модель судьбы цивилизации по античной модели, то есть образец надлома и гибели цивилизации для него – это конец Римской Империи. Однако он уделял большое внимание преемственности цивилизаций – тому, как из первоначальной цивилизации выходит при помощи разных механизмов аффилированная цивилизация следующего поколения.

Говоря о русской цивилизации, Тойнби выделяет два аспекта. Во-первых, это цивилизация, аффилированная византийской – православной. Во-вторых, это оседлая цивилизация на границах агрессивной кочевой степи – выжить в этих условиях и сохранить веру и было главным вызовом для русских. А наш ответ оказался настолько мощным, что, цитирую:

«Этот случай еще раз доказывает, что чем сильнее вызов, тем оригинальней и созидательней ответ. В России ответ представлял собой эволюцию нового образа жизни и новой социальной организации, что позволило впервые за всю историю цивилизаций оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников и даже не просто побить их..., но и достичь действительной победы, завоевав номадические земли, изменив лицо ландшафта и преобразовав, в конце концов, кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища – в оседлые деревни». (Тойнби 2003: 147–148).

Идеи Тойнби вызывали массу критики, в частности, со стороны русского социолога **Питирима Сорокина** (1889–1968), изгнанного большевиками и ставшего своего рода отцом американской социологии. Сорокин критиковал неспособность Тойнби четко определиться с количеством и критерием выделения

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru